Карина Демина
Механическое сердце.
Искры гаснущих жил
Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Карина Демина

Механическое сердце. Искры гаснущих жил

Серия «Мир Камня и Железа», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8588767
Демина К. Механическое сердце. Искры гаснущих жил: Роман: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1811-4

Аннотация

Что общего у королевского следователя, мастера-оружейника, благородной леди и крайне невезучей террористки? У каждого своя жизнь и свой путь, но однажды эти пути пересекутся на грязных улицах Нижнего города, сплетаясь в один узор. В нем оживает прошлое, которое недавно казалось похороненным. И тот, кто вчера был обузой, сегодня превращается в единственную надежду на спасение. Само будущее, предопределенное, не обещавшее ничего, кроме одиночества, вдруг даст шанс на счастье. Вот только хватит ли смелости воспользоваться этим шансом?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 22
Глава 3 43
Глава 4 64
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Карина Демина
Механическое сердце. Искры гаснущих жил

Глава 1

Кэри ненавидела игру в прятки.

– Раз… два…

Голос брата разносился по пустому холлу, поторапливая. Бежать.

Куда?

Вверх по лестнице.

– Три…

Налево. Темнота коридора и прямоугольники-двери.

– Четыре и пять…

Он не торопится. А Кэри спешит, дергая ручку. Заперто… и следующая тоже… в этом доме полно запертых дверей.

– Я иду тебя искать…

Дверь открывается с протяжным скрипом, и Кэри ныряет в пыльный полумрак комнаты. На третьем этаже давно никто не живет, и Кэри запрещено сюда заглядывать, но… где еще ей спрятаться?

Комната невелика. Почти всю ее занимает огромная кровать с пропыленным балдахином. Старые гардины плотно сомкнуты, словно сшиты паучьей тонкой нитью. Еще есть стол и гардеробный шкаф с резной дубовой короной. И Кэри, прислушавшись – бесполезно, он всегда ступает бесшумно, – забралась в меховую, набитую старыми шубами утробу.

– Кэри… – Его голос долетел издалека. – Ты где?

Он приближался. Неспешно, хотя наверняка уже взял ее след.

– Здесь? Не, здесь заперто… и тут заперто… и эта тоже…

Ближе и ближе. С каждым шагом.

– А здесь открыто… Кэри, ты же не выбрала эту комнату? Не разочаровывай меня, сестричка. Ты должна была хорошо спрятаться… так хорошо, чтобы я не нашел тебя.

Кэри замерла, жаль, что вонь отсыревшего меха не так сильна, чтобы перебить ее след.

– Где наша Кэр-р-ри? – Он остановился напротив гардероба. – Под кроватью, быть может?

Он знает. Но тянет время, ведь если откроет дверь, то игра закончится. А ему нравится играть в прятки, не прятаться – искать.

Охотиться.

Раньше они вместе охотились в саду на майских жуков, и Сверр приносил их в кулаке, раздраженных, шелестящих, а Кэри подставляла металлическую коробку от монпансье. Внутрь она заботливо клала траву, чтобы жукам было что есть, а Сверр пробил в крышке дырки, и жуки могли дышать. Они возились в жестянке, скребли лапами, жвалами, норовя выбраться, и Кэри, прижав коробку к уху, подолгу слушала. Чудились ей возмущенные жучиные голоса, а вечером они вместе жуков отпускали, чтобы поутру было на кого охотиться вновь.

Тогда Сверр был другим.

Добрым.

Зато теперь Кэри знает, каково было тем жукам.

– Нет, под кроватью ее нет. Да и что маленьким девочкам делать под пыльной кроватью? Тогда… за гардинами прячется, Кэр-р-ри?

Кольца скрипят, сдвигаясь. И верно, потревоженная пыль окружает его, заставляя чихать.

– И здесь ее нет. – В его голосе проскальзывает легкое удивление. – Как хорошо спряталась наша Кэр-р-ри. Быть может, я и вовсе ее не найду?

Он отступает и трогает дверь, Кэри слышит ее скрип, но этот звук – часть игры. И Кэри, упираясь ногами и руками в дно гардероба, пытается отползти, спрятаться в мехах. Длинный ворс щекочет щеки, лезет в рот, пыль забивается в нос… и шкаф не так уж глубок.

– Найду, конечно, найду.

Его голос близко.

– Например, вот здесь!

Он распахивает дверцы, едва не срывая их с петель.

– Я тебя нашел!

Его пальцы впиваются в руку Кэри и тянут. Она же упирается, понимая, что это лишь сильнее разозлит его. Но ей так страшно…

…Однажды Сверр вырвал жестянку и швырнул в костер.

– Поймал, поймал! – Вытащив Кэри, он позволяет ей встать на ноги и сам одергивает платье. – Измялось. И пыль

в волосах. На кого ты похожа, Кэри?

Она знает, как правильно отвечать на этот его вопрос и, опустив взгляд – он ненавидит, когда она смотрит ему в глаза, – говорит:

– На выродка.

– Умница. – Наклоняясь, Сверр касается холодными губами лба, и Кэри застывает: нельзя его провоцировать. – Но тебя оставили в приличном доме. И ты должна быть благодарна.

– Я благодарна.

Он аккуратно снимает пыль и паутину с ее волос, расправляет каждую складочку на платье и, коснувшись сжатых кулаков – Кэри тотчас разжимает руки, – произносит с упреком:

– Недостаточно благодарна, если позволяешь себе так выглядеть.

Ему нравится воспитывать ее… иногда.

Вечером мисс Гранж, в кои-то веки молчаливая, хмурая, сама поможет Кэри раздеться и, смазав свежие ссадины сандаловой мазью, уложит в постель. Она расчешет волосы и заплетет рыхлую косу, а потом, вместо того чтобы просто уйти, как делает всегда, присядет рядом.

– Скоро он уедет, – скажет она. – Потерпи… терпение – главная добродетель женщины.

– Почему? – Однажды, когда он сделал слишком больно, Кэри задала этот вопрос. И сунула руку под подушку, где

прятался украденный на кухне нож.

Она устала терпеть, и завтра, когда Сверр захочет поиграть снова, Кэри ответит.

– Потому что, милая, – лицо мисс Гранж вдруг сделалось старым, некрасивым, – этот мир принадлежит мужчинам. И если ты хочешь выжить…

Она сунула руку под подушку и вытащила нож. Кэри не собиралась разжимать пальцы, но мисс Гранж покачала головой.

– Тебе надо научиться делать то, что они хотят. Иначе будет хуже… много-много хуже, Кэри. Поэтому терпи. Помни, что терпение…

– Главная добродетель женщины, – ответила Кэри, выпуская рукоять. Наверное, мисс Гранж права. Вряд ли у Кэри получится ударить его, а если получится, то что тогда?

Он разозлится, и… да, будет много хуже.

– Он скоро уедет. – Мисс Гранж наклонилась и поцеловала Кэри в лоб. – Думай об этом.

…раз, два, три, четыре, пять…

Сверр ушел навсегда, но его голос вновь пробирался в сон Кэри.

…я иду тебя искать…

Смотри, Кэри, найду – пожалеешь. Прячься хорошо…

Длинная тень скользит по стене. У нее изломанные руки и тонкие пальцы, которые шевелятся, словно за стену цепляются.

Ближе и ближе.

Сбивается дыхание. И сердце замирает в тщетной надежде, что тень не услышит его.

…Кэр-р-ри…

Вздрагивают гардины.

…раз-два-три…

Снова и снова он повторяет ненавистные слова.

…четыре-пять…

Тень изгибается в причудливом поклоне.

…я нашел тебя, Кэр-р-ри.

Он тянется и, не способный дотянуться, шипит от злости. Еще немного…

…я нашел тебя.

Кэри проснулась, закусив губу, сдерживая крик.

Тишина. Темнота. Квадрат окна, разрезанный узорчатой решеткой. Тяжелый запах роз, недавно казавшийся раздражающе резким, успокаивает.

Розы.

Ваза. Прикроватный столик, на котором стоит графин с водой и стакан. Темное озеро зеркала на противоположной стене.

Сон. Всего-навсего сон. Очередной кошмар, к которым она привыкла.

И Кэри, сев на кровати, коснулась пальцами пола.

Холодный… осень на дворе. И тот, кто преследует Кэри

во снах, несколько недель как мертв.

– Мертв, – повторила Кэри, пробуя слово на вкус. – Мертв… умер… совсем умер и не придет.

Она смахнула слезу, и вторую тоже, закусив губу, приказала себе не плакать: леди Эдганг обладала на редкость острым слухом, а стены во дворце были удивительно тонки.

Кэри поднялась и на цыпочках, стараясь не потревожить паркет, подошла к окну. Забравшись на широкий подоконник, она прижала ладони к холодному стеклу. Покрытое рябью дождя, оно утратило прозрачность, но Кэри, как когда-то в детстве, упрямо пыталась разглядеть, что же находится по ту его сторону.

…старый сад и два куста шиповника, что сплелись ветвями, создавая удивительный узор белых и красных цветов.

…трехцветная кошка, которая имеет обыкновение дремать в тени этих кустов.

…и воробьи, прилетающие поглазеть на ленивую кошку.

Кэри бросала им хлебные крошки, воробьи суетились, верещали, а кошка приоткрывала то один, то другой глаз. Хвост ее вздрагивал, но кошка была слишком старой для охоты.

И доверчивой.

Кошка привыкла, что в старом поместье к ней относятся с уважением. Она и не попыталась убежать. Да и, наверное, она тоже помнила Сверра другим.

Кэри часто заморгала, отгоняя непрошеные слезы.

Умер. И не вернется.

Никогда.

На подоконнике она просидела до рассвета и очнулась, когда где-то далеко скрипнула дверь и раздался громогласный голос Элоис. Старая горничная была глуховата и имела чудную привычку говорить сама с собой. И вот теперь она приближалась, ворча:

– Спина ноет и ноет… придумали… слякоть… кой день кряду… а и камины…

Кэри слышала отдельные слова, которые перемежались вздохами, и тяжелую поступь Элоис, ее кряхтение и кашель. Вот горничная остановилась у двери леди Эданг и постучала. Ответа она не дождалась, надавила на ручку всем своим немалым весом. И раздался недовольный голос леди Эданг:

– Сколько раз вам повторять, что я не нуждаюсь в вашей помощи.

Кэри поморщилась, представив гримасу презрения на лице леди Эданг.

– И я бы хотела побеседовать со старшей горничной. Вы передали мое желание?

Она сидит в кресле, придвинутом вплотную к камину. Его топят, конечно, но слабо, так что рыжая пленка огня едва-едва покрывает сырые дрова. Лишь к обеду пламя разгорится, плеснет недолгим теплом. И стены, быть может, немного прогреются.

Эта часть дворца была старой, и стены, поросшие снаружи

виноградом, изнутри пестрели многочисленными трещинами. Их замазывали, скрывали за дорогими панелями или вот обоями, но ведь теплее от этого не становилось.

И леди Эданг мерзла, что не улучшало ее настроения.

– Тогда почему старшая горничная до сих пор не явилась? – Она наверняка встала и подошла к Элоис вплотную. И та потупилась, не зная, что ответить, дабы не обидеть гостью.

Впрочем, и Кэри, и самой леди Эданг ответ был известен: они не столь значительные персоны, чтобы старшая горничная тратила на них свое время. И быть может, уже завтра их переведут из этих комнат в городскую тюрьму. А там и вовсе казнят…

– Да уберетесь вы с глаз моих или нет? – Леди Эданг повысила голос. И значит, настроение у нее ныне более мерзкое, чем обычно. Плохо…

Кэри со вздохом покинула насиженное место и, сунув озябшие руки в подмышки, нырнула под одеяло. Пуховое, некогда оно было роскошным, но за многие годы истончилось. Его досыпали пером, и то лезло сквозь ткань.

А простыня за ночь заледенела.

– Леди Кэри, – Элоис не стала утруждать себя стуком, просто толкнула дверь, – вставайте. Светло уже. Солнышко встало, а вы в постели.

В громком ее голосе, в самом облике, тяжеловатом, неуклюжем – и этот факт леди Эданг сочла оскорблением, – бы-

ло что-то уютное. И Кэри нравилось смотреть на Элоис. Вот она, прихрамывая, подбирается к шторам, берет в руки крюк и тянется, цепляя подвесы. Шторы расползаются, впуская рассеянный свет. Вот Элоис переминается у подоконника, метелкой из куриных перьев стирая невидимую пыль, вот, вздыхая, идет к гардеробу…

Он заполнен едва ли на треть, и все платья сшиты из серой грубой ткани. Пожалуй, в них Кэри и сама похожа на горничную. Ну или на гувернантку.

Гризетка.

Сверр бы одобрил.

– В мое время, – ворчит Элоис, вытягивая очередной наряд, который ничем-то не отличался от вчерашнего, – молодые девицы вскакивали засветло… вот помню…

Воспоминаний у Элоис было слишком много, и они не удерживались в ее голове, но выплескивались на собеседника ворохом слов. Порой Элоис забывала, о чем шла речь, и перескакивала с одной истории на другую…

– …и все-то сама делать спешила. Не то что нынешние. – Усадив Кэри перед зеркалом, она взялась за гребень. – Бедная ты моя девочка…

– Я?

Кэри удивилась: прежде Элоис при всем дружелюбии не позволяла себе подобного.

– Ты, ты. – Массивная ладонь Элоис коснулась волос. – Кто ж еще… сиротка… мамаши небось знать не знаешь?

– Не знаю, – согласилась Кэри и мысленно пожелала себе прикусить язык. Конечно, ее происхождение ни для кого не секрет, но не хватало еще со служанкой о родителях сплетничать.

– А батюшка помер… вот и говорю, сиротка… некому заступиться. – Тяжко вздохнув, Элоис вернулась к прерванному занятию. Несмотря на грубые руки и толстые пальцы, с волосами она управлялась ловко. – Замуж тебя отдадут. Слышала… – Она вдруг перешла на шепот и, склонившись к самому уху, заговорила: – Слышала от Марты, а у нее сестра при ее величестве служит, что сговорили тебя.

– За кого?

Новость была не то чтобы неожиданной, скорее Кэри не думала, что ее судьба решится так быстро. Но… замуж? Все лучше, чем в тюрьму и уж тем паче – на плаху.

Элоис ловко заплела косу, которую подвязала простой синей лентой.

– Оден. Из рода Красного Золота.

Сильный род… и, наверное, это хорошая партия, особенно для такой, как Кэри.

– Говорят, – Элоис наклонилась ниже, и теперь тяжелая грудь ее давила на плечо Кэри, – будто он сумасшедший… бедная моя девочка…

Ее жалость была липкой, как патока. И Кэри с облегчением выдохнула, когда Элоис, закончив убираться, вышла из комнаты. Причитания ее доносились и из коридора.

Бедная?

Скорее невезучая. Прикусив мизинец – это всегда помогало сосредоточиться, – Кэри бросила быстрый взгляд в зеркало и вздохнула.

Сумасшедший муж… что ж, ей приходилось иметь дело с сумасшедшими. И быть может, это тот, кто преследует Кэри во снах – она отказывалась вспоминать его имя, – мстит ей?

– Кэри, дрянная девчонка, – скрипучий голос леди Эдганг отвлек от размышлений, – что ты там возишься? Где мои капли? Тебе нельзя доверить и столь элементарного дела?..

И хозяйка у нее тоже сумасшедшая.

Сдавленно хихикнув, Кэри поднялась. Вдруг повезет и леди Эдганг, приняв капли, затихнет хотя бы на пару часов? Пара часов тишины и одиночества… разве так много Кэри просит?

И еще бы мужа такого, с которым не придется играть в прятки.

Она ненавидит эту игру.

Она вообще ненавидит игры.

В покоях ее величества было жарко.

Горел камин, облицованный белым камнем. Тепло исходило от стен, закрытых вишневыми шпалерами, от мраморного пола. Оно проникало сквозь тонкие подошвы атласных туфелек – их принесли Кэри вместе с платьем – и сквозь чулки, отогревая озябшие ступни. И Кэри с трудом сдержива-

лась, чтобы не подуть на руки.

Все-таки она замерзла…

– Какое очаровательное дитя. – Ее величество очнулись от дремы. – Подойди.

Кэри подчинилась и, остановившись на краю ковра, склонилась в глубоком поклоне.

– Очаровательное…

Голос королевы был холоден.

Да и сама она… Впервые увидев эту женщину, Кэри удивилась. И это королева?

Невысокая. Немолодая. Некрасивая.

У нее круглое одутловатое лицо с мягкими, поплывшими чертами и излишне белой кожей. Кэри не могла отделаться от ощущения, что само это лицо слеплено из мягкого воска. Немного тепла, и оно растает. Волосы ее величества имели неприятный желтоватый оттенок, и седина в них как-то очень уж бросалась в глаза. И одета она была просто, в темное, лишенное всяких украшений платье: ее величество пребывали в трауре, и не следовало забывать об этом.

– Встань. И подойди ближе. Наклонись, милая, дай на тебя полюбоваться. – Все тот же ленивый равнодушный тон. И влажное прикосновение пальцев к подбородку. – Девочка и вправду миловидна. Сколько ей?

– Пятнадцать, ваше величество, – ответила леди Эдганг.

– Маловато… но ничего.

Королева поворачивала голову Кэри влево и вправо, раз-

глядывая.

Наконец Кэри отпустили, и ее величество обратили внимание на леди Эдганг. В тусклых глазах королевы мелькнула тень, но исчезла прежде, чем Кэри успела понять, что же эта тень означает. Ее величество молчали долго, и Кэри не знала, как следует себя вести.

– Мой сын надеется, что вы осознаете ненадежность вашего положения. – Ее величество поднялись. – И то, что дальнейшая ваша судьба, леди Эдганг, зависит исключительно от вашего благоразумия.

О Кэри словно и забыли.

– Мой род…

– Предал корону. – Ее величество взмахом руки велели замолчать, и леди Эдганг поджала губы.

Она злится.

И потом, вечером, сорвет злость на Кэри.

Так было и так будет.

– Поведение вашего сына и вашего мужа… – Шелестели юбки королевского платья, но голос ее величества пробивался сквозь этот шелест. – Поставили всех нас перед крайне неоднозначным выбором. К сожалению, мы не можем закрыть глаза на то, что произошло. Но нам не хотелось бы, чтобы столь древний род погиб.

– Он уже погиб. – Леди Эдганг не сдержалась.

– Еще нет. Пока есть эта милая девочка…

Королева обошла Кэри, и та сжалась. Сейчас эта мяг-

кая некрасивая женщина отчего-то внушала истинный ужас. Кэри затаила дыхание. Ее поворачивали, наклоняли, вновь ощупывали, словно толстые пальцы ее величества способны были увидеть нечто скрытое от глаз.

– Сильная кровь возродит род Лунного Железа. – Ее величество убрали руку, и Кэри смогла дышать. – Мой сын нашел вам мужа, милая.

Тишина.

Надо ответить, но как?

– Правда… – Щелкнули пальцы, и Кэри вздрогнула. Она подняла голову и замерла, зачарованная взглядом. Глаза у королевы были блеклыми, безжизненными и в то же время невероятно притягательными. – Есть одно крайне неприятное обстоятельство. Ваш будущий супруг… несколько упрям. И не горит желанием связывать себя узами брака… с вами.

Ее величество отступили, оказавшись между Кэри и леди Эдганг.

– Оден вбил себе в голову, что женат на… альве. Но этот брак недействителен.

Кэри ничего не поняла.

– Мой сын желает исправить допущенную ошибку, и как можно скорее. – Теперь ее величество повернулись к леди Эдганг: – От вас же требуется одно: сделать все, чтобы воля моего сына была исполнена. Ясно?

Как?

Но, видимо, леди Эдганг знала ответ на этот вопрос. И, согнувшись в поклоне, она глухо произнесла:

– Да, ваше величество.

– Надеюсь, вы сумеете объяснить вашей воспитаннице, – при этом в голосе королевы скользнула насмешка, – как следует вести себя.

– Да, ваше величество.

– Замечательно…

Ее величество вернулись к креслу, корзинке с рукоделием и засахаренным фруктам. Впрочем, не прошло и минуты, как королева погрузилась в полудрему. И леди Брюнн, статс-дама ее величества, знаком велела удалиться.

Их не провожали.

А вечером Элоис, помогая Кэри приготовиться ко сну, щедро делилась сплетнями.

Будущий супруг Кэри был старше ее на двадцать лет.

И он четыре с половиной года провел в плену.

Он сошел с ума и влюбился в альву.

А еще убил брата Кэри. И Кэри, слушая жадный захлебывающийся шепот горничной, кивала, думая о своем: стоит ли сказать ему спасибо?

В холодной постели – Элоис, желая услужить, сунула в нее грелку, но та остыла и протекла – Кэри смежила веки, пообещав себе, что сегодня будет спать без снов. Но стоило луне заглянуть в окно, как Кэри услышала знакомый голос:

– Раз-два-три-четыре-пять. Я иду тебя искать.

Глава 2

Женщина сидела у камина, и пламя тянулось к ней, отблески его ложились на волосы, добавляя потускневшим прядям цвета, скользили по лицу. И женщина по-кошачьи щурилась, порой вскидывала руку, касаясь щек, на которых горел болезненный румянец.

– Жениться тебе надо, – проворчала она, убирая выбившуюся из поредевшей косы прядь. – А не со мной сидеть.

– Это позволь мне решать. Ешь. – Брокк закрепил на подлокотниках кресла переносной столик. – Доктор сказал, что ты должна поесть.

На столике появились чашка с бульоном и высокий стакан с травяным отваром.

– Не хочется.

– Надо, Дита.

Ей было стыдно. За бледность. За слабость. За то, что руки дрожали, с трудом удерживая ложку.

– Вот так. – Брокк расправил белоснежную салфетку. – Давай, ложку за меня…

– Прекрати.

– И вторую тоже за меня…

Она попыталась улыбнуться, хотя боль, терзавшая ее изнутри, не отступала ни на мгновение. Не спасали ни диета, ни травяные отвары. Лишь лауданум дарил забвение, но до-

зу приходилось увеличивать.

– И третью… я крупный, за меня много надо.

Дитар глотала бульон, который казался одновременно и горьким, и невыносимо сладким.

– Умница. А четвертую за Лили. Ты ей писала?

– Писала, но… Брокк. – Дитар облизала сухие губы. Пить хотелось почти всегда, но вода причиняла новую боль. – Я… не смогла.

– И хорошо. Незачем девочку волновать. Вот приедет на зиму, тогда и…

– Если я доживу до зимы.

– Доживешь. – Он был упрям, как все псы. И порой Дитар начинало казаться, что именно это его упрямство удерживает ее среди живых. Рядом с Брокком болезнь отступала, и пусть передышка была недолгой, но она позволяла собраться с силами.

И протянуть день.

Или два.

– Брокк, ты… не должен возиться со мной.

В конце концов, это были странные отношения, которым давным-давно следовало прерваться.

– Давай я сам решу, что я должен, а чего не должен.

– Хватит. – Дитар отвернулась, чувствуя, что еще одна ложка – и ее просто-напросто стошнит. – Чуть позже, ладно?

Он согласился легко.

– Травы?

– Нет. Не сейчас. – Дурнота накатывала волнами, и Дитар приходилось дышать часто, чтобы хоть как-то ее осадить. – Я выпью. Честно. Но чуть попозже.

– Хорошо. Может, ты прилечь хочешь?

Брокк снял поднос и поднял ее на руки легко. Дитар всегда поражала эта их сила, которую псы принимали как нечто само собой разумеющееся. Он перенес ее на кровать и, уложив, бережно накрыл одеялом. Сам сел рядом.

– Как твоя сестра? – Ей не хотелось спать, хотя в его присутствии у нее, пожалуй, получилось бы. Но Дитар жаль было тратить время на сон. Его почти не осталось.

– Уже лучше. – Он улыбнулся. – Но… – Он замолчал и, взяв ладонь Дитар, принялся растирать пальцы. – Эйо по-прежнему его ждет. И я знаю, что дождется. А мне это не нравится. Слишком рискованно.

Дитар не торопила. Смежив веки, она просто наслаждалась его близостью, голосом, прикосновениями. К ней сейчас редко кто прикасался вот так, не испытывая отвращения. Сестра милосердия, нанятая Брокком, и та с трудом скрывала брезгливость. Болезнь, терзавшая Диту, не была заразной, но сам запах ее, близость смерти тревожили людей.

– И да, – признался Брокк, – я не хочу ее отпускать. Это, в конце концов, нечестно! Я знаю, что не имею права ее удерживать, что у нее своя жизнь и… Эйо действительно его любит. А он сумеет о ней позаботиться, но…

– Но ты вновь останешься один?

Дитар достало сил прикоснуться к нему, отбросить прядь светлых, с рыжиной волос.

Вот что держало его рядом. Одиночество.

Пять лет тому именно одиночество привело его к дверям дома Дитар, раздраженного, колючего, почти готового возненавидеть весь мир. Он прикрывал искалеченную руку здоровой, смотрел исподлобья и скалился, едва удерживаясь на краю. А она, разглядывая его, пыталась понять, стоит ли связываться с опасным клиентом.

– Ты откажешься от других, – сказал Брокк тогда, бросив на стол горсть неограненных аметистов. В ярком свете газовых рожков они казались тусклыми, ненастоящими.

И Дитар, подняв самый крупный, лилово-бурый, поднесла к глазам.

– Можешь позвать ювелира, если не веришь. – Пес расположился в ее кресле. Он сидел скособочившись, пытаясь спрятать пустой рукав в тени.

Брокк был бледен и худ, почти истощен.

– Почему же, верю. – Дитар смела камни в ладонь и протянула гостю. – Этого слишком много. Даже с учетом того, что мне придется отказаться от других… гостей.

Его губа дернулась, и пес зарычал.

А Дитар вдруг увидела, насколько ему плохо. И пришел он к ней лишь потому, что больше не к кому было идти со своей болью.

Молодой какой…

И уже несчастный.

– Я собиралась пить чай. – Она поднялась, оставив камни на столе. – И буду рада, если вы составите мне компанию. Тогда и обсудим условия нашего с вами… сотрудничества.

Он встал молча. И так же молча шел за ней. А в бирюзовой гостиной, просторной и светлой, – прежде Дитар никого сюда не водила, сохраняя эту комнату за собой, – остановился у часов.

– Сломаны?

– Давно уже. Я купила их такими… глупо, конечно…

Зачем кому-то часы, которые утратили способность следить за временем?

– Но они красивые.

Бронзовая цапля застыла в причудливом танце. Птица изогнулась, запрокинув голову, почти касаясь посеребренным хохолком спины. Крылья были расправлены. Тонкие ноги прочно стояли на бронзовом шаре.

– Хочешь, починю? – Он не стал дожидаться ответа, пусть бы Дитар и запоздало кивнула. Брокк снял часы и, устроившись в кресле, вытащил из внутреннего кармана куртки футляр. Зажав часы между колен, он разобрал их одной рукой и надолго погрузился в хитросплетения пружин и шестеренок, казалось, не замечая ничего, что происходит вокруг. Лишь когда скрипнула дверь и в бирюзовой гостиной появилась Лили, отвлекся. А Лили застыла на пороге, не зная, может ли войти.

– Ты что-то хотела, дорогая? – Дитар остро чувствовала и смущение дочери, и страх ее, и странный к ней интерес со стороны гостя.

– Это твоя дочь? – Пес отложил часы, ссыпал на стол металлическую мелочь, которую держал в ладони, и поднялся. – Как ее зовут?

– Лилиан.

Дитар взяла дочь за руку, чувствуя, как начинает дрожать. Вдруг этот полудикий, замерший на краю пес захочет купить не ее, Дитар, но малышку?

Среди ее клиентов встречались и такие.

– Ли-ли-ан… красиво. – Он взъерошил короткие волосы и как-то неуклюже улыбнулся. – Что случилось, Лилиан?

Она же, сама сторонившаяся гостей, протянула ему куклу и кукольную голову.

– Сломалась.

Кукла была не новой, но любимой. Вот только веревки, на которых держались руки, ноги и голова, истончились. И кукла время от времени рассыпалась. А Дитар ее чинила. Она могла бы купить другую и покупала, а Лили благодарила, уносила новую подругу в комнату и вновь возвращалась со старой.

– Починить? – предложил пес.

– А ты умеешь?

– Умею. Дай сюда.

Лили посмотрела на мать, дожидаясь разрешения. И пес,

видимо, ощутив страх Дитар, бросил:

– Вам нечего бояться. – Он потер квадратный подбородок и смущенно добавил: – У меня сестра младшая… приезжала… раньше… у нее тоже куклы ломались. Это быстрее, чем с часами. Только мне веревка нужна. Или толстая шелковая нить. И… чтобы вы ее подержали.

Он остался в доме до позднего вечера. Сначала возился с куклой, затем – с часами. Он пил чай и слушал, как Дитар играет на клавесине. И на ужин остался.

И когда в дверь позвонили, сам открыл.

Что он сказал клиенту, Дитар не знала. Но вернулся вновь злым, оскаленным:

– Теперь тебя содержу я. Других в этом доме не будет. Ясно?

– Да.

Он ушел за полночь, а вернулся на рассвете и, сунув Дитар букет – смешной, кто носит содержанке цветы? – спросил:

– Лили встала?

– Еще нет.

– Я ей куклу принес. Новую.

Альвийскую. Хрупкую. Сделанную из какого-то особого дерева, которое казалось на ощупь теплым и мягким. Оно и цвет имело розоватый, отчего кукла выглядела до ужаса живой. Маленькая леди в роскошном платье с турнюром, в крохотных перчатках и туфельках с бабочками. В руке кукла держала зонт от солнца, а шею ее украшала тройная нить

жемчужного ожерелья.

Кружево. Серебро.

И удивительно тонкая работа.

– Это… очень дорогой подарок. Спасибо, но… не стоило.

Пес сунул куклу в руки Дитар и потребовал завтрак. От обеда он тоже отказываться не стал. Тогда он проводил в ее домике много времени, постепенно успокаиваясь.

Ему не нужна была любовница. Ему требовалась семья.

– Здесь хорошо, – сказал он как-то и, искоса глянув на Дитар, добавил: – Тебе все равно, что я… такой.

Его рука заживала медленно, словно живое железо в крови не желало мириться с этой потерей. И зарубцевавшиеся было раны то и дело открывались, кровоточили, Брокк злился, но не от боли, которую испытывал, скорее от осознания, что стал калекой…

Он пробовал пить и напивался, но легче не становилось.

Трезвел.

Метался.

Менял обличье и выл, неспособный устоять на трех ногах. В ярости разнес гостиную. Потом просил прощения.

Он молчал, лежа на серой оттоманке, вытянув ноги, глядя исключительно на острые носы ботинок. И отказывался от еды. Приступы длились несколько дней кряду, но в конце концов Брокк находил в себе силы подняться.

Он начинал читать стихи, сбивался и вновь замолкал. Садился у клавесина, касался клавиш, вот только мелодия по-

лучалась половинчатой, однорукой.

Спасался работой.

– Тебе меня жаль? – спросил он как-то, расчесывая культю. По вечерам она зудела и ныла, сводя Брокка с ума.

– Немного.

Как-то так получилось, что ему Дитар не лгала. И не играла, притворяясь кем-то, кем ее хотели видеть. Вероятно, потому, что, в отличие от иных клиентов, Брокк сам не знал, кто ему нужен.

Не содержанка.

– Жалость унижает. – Он оставил руку в покое и нырнул под одеяло, отвернулся, буркнув: – Не мешай спать.

– Не буду.

Пожалуй, именно тогда Дита поняла, что этот мальчишка стал для нее… кем? Не очередным клиентом, которых в ее жизни было множество. Возлюбленным? Смешно. Она старше. Опытней. Циничней. Она больше не верит в любовь, которая до края жизни или дальше. Она… она просто перестала быть одинокой. И коснувшись светлых волос, Дитар сказала:

– Отдыхай. Принести чего-нибудь?

– Молока. С медом.

Пять лет.

Это ведь не так и много, но получается, что целая жизнь.

– Опять твои печальные мысли. – Брокк поправляет подушки и смоченной в ароматном уксусе губкой вытирает пот

со лба. – Ты стала очень много думать, Дита.

У него хорошая улыбка. И Дитар пытается улыбаться в ответ, но больно… Господь милосердный, как же ей больно. Она сдерживает стон, но Брокк по глазам видит.

– Не уходи, Дита, пожалуйста, – он снова растерян и смущен, – я не хочу снова оставаться один.

– Я и говорю… – У нее получается оттеснить боль. Она вернется позже и отомстит Дитар за побег. – Жениться тебе надо…

Фыркнул только. Ладонь ее раскрыл, погладил пальцы и прижал к своей горячей щеке.

Мальчишка.

– Попроси сестру остаться. Она не откажется.

– Не откажется, – согласился Брокк. – Только… как надолго? Месяц? Год? Всю жизнь? Я не могу забирать ее жизнь, тем более… рядом со мной небезопасно.

– Опять письма?

Кивнул.

– Когда-нибудь они успокоятся.

Ложь, но Брокк снова соглашается. С больными не желают спорить.

– Ты ей рассказал?

– Не ей. Оден сумеет ее защитить, если вдруг…

– Скажи.

Брокк качает головой:

– Эйо и без того хватает, а тут еще эти… если скажу, вол-

новаться будет. Ты вот волнуешься, хотя знаешь, что дальше писем дело не пойдет.

Голос дрогнул, и это верный признак, что Брокк солгал. Но спрашивать бесполезно: не ответит.

– Дита, – он все же поднес стакан с травяным отваром, даже запах которого вызывал желудочные спазмы, – тебе нужно это выпить. Пожалуйста. Ради меня.

Ради него…

…горечь опалила губы. Дитар поспешно сглотнула.

– Умница. Пей, и я тебе почитаю…

– Письма?

– Конечно. Пей.

И Дитар пила, заставляя себя. До дна, до последней мутной капли.

– Вот так. – Брокк прижимал стакан к губам, не позволяя отстраниться. – А теперь ложись.

Он поправляет сбившийся плед, сам же подвигает кресло к кровати и берет со стола шкатулку. В ней, перевязанные синей ленточкой, лежат письма Лили.

– «Дорогая мамочка… – Голос Брокка растворяется в опиумном тумане, и Дитар позволяет себя убаюкать. – У меня все хорошо. Как твое здоровье? Тебе помогли те капли, о которых я писала? Наша наставница, мисс Уинтерс, тоже часто желудком мучается. И она сказала…»

Дита уснула, и Брокк оборвал чтение на середине фразы. Несколько секунд он разглядывал плотный лист с вензелем

пансиона Шан-о-тер. Письмо вернулось в стопку, а стопка – в шкатулку.

– Спи. – Брокк коснулся влажной ладони, которую покрывала тонкая сеть морщин. Губы Диты дрогнули, словно она собиралась сказать что-то, но передумала.

Удивительная женщина.

– Спи, Дита… – повторил он и, откинувшись в кресле, смежил веки. Мысли были невеселыми.

Бомбу спрятали под сиденье экипажа.

Самодельная.

С химическим запалом и толикой истинного пламени внутри стеклянной колбы. Брокк держал хрупкий сосуд, любуясь алыми отблесками заточенного в нем огня. Малейшая трещина, нарушение силовой сетки, вплетенной в стенки, и…

Повезло.

Всю неделю шли дожди. И кто бы ни создал это устройство, он не сумел защитить свое творение от сырости. Запал не сработал. Зато вонь химикалий, едва заметная, но все же чуждая привычным запахам конюшни, привлекла внимание Брокка.

Он сам снял бомбу.

Не так это и сложно.

Ослабить винты на крышке деревянной шкатулки. И кожух стащить, медленно, по доли дюйма в минуту. Каждый удар сердца отзывается в руках. Живая дрожит, а в желез-

ной появляется знакомый зуд. Рассмотреть переплетение патрубков. Перерезать тот, что ведет от запала к заряду. И колбу, закрепленную в стальной сети, извлечь.

Пламя, почувствовав Брокка, прильнуло к стеклу, расплескалось, желая одного – выбраться из плена. А Брокк с трудом сдержался, чтобы не помочь. Это просто – сжать руку, пусть хрустнет стекло и воздух соприкоснется с живым огнем.

Он видел, что случается после.

Чудовищная сила, выплеснувшись вовне, сомнет Брокка, искорежит и экипаж, эхом ударит по дому, вышибая стекла. И поверху прокатится огненная волна, а когда схлынет, на заднем дворе останется яма, выжженная земля и оплавленный камень.

Колбу Брокк держал в руках до прибытия полиции. И сам уложил в колыбель металлического короба, толстые стенки которого способны были пригасить взрыв.

– Вам не следовало рисковать. – Следователь был старым знакомым.

Он благоразумно держался поодаль до тех пор, пока ящик не закрыли. Короб, погрузив в железный сейфовый экипаж, из тех, что банки используют для перевозки наличности, увезли.

Отправят на полигон, где и выпустят пламя на свободу.

Поехать за ними?

Еще раз полюбоваться на огненный цветок, что распуска-

ется над землей? И услышать прощальный стон умирающего огня? А вечером напиться от нахлынувшей тоски… не выйдет.

И следователь, чувствуя настроение Брокка, по-дружески протянул ему флягу с холодным чаем.

– Не возражаете, если мои люди с экипажем поработают? Да и… осмотрятся тут? – Кейрен из рода Мягкого Олова был вызывающе молод, и это раздражало многих.

Невысокий и сухощавый, Кейрен испытывал иррациональную привязанность к светлым костюмам, которые лишь подчеркивали необычайную его бледность. Его ботинки всегда сияли, а рубашки были белоснежны. И серый мешковатый плащ с россыпью черных пятен по подолу и оттопыренными карманами смотрелся чуждо. Но плащ этот, как успел заметить Брокк, был столь же неотъемлемой частью Кейрена, как и родовой перстень.

– Делайте что хотите.

Брокк устал.

От снов и писем, которых не становилось меньше. Камней, что время от времени летели в двери его экипажа. И ожидания, когда будет пересечена та черта, что отделяет угрозы от действия.

Вот, дождался.

Можно и отпраздновать, чем не повод?

– Почему вы не боитесь? – Кейрен сам прошелся по двору, заглянул в конюшни и долго принюхивался, пытаясь среди

обычных запахов лошадей, навоза, сена и преющей соломы выловить тот, чуждый, что выведет на след.

Но кто бы ни поставил бомбу, действовал он осторожно. Даже металл пропах перцовым настоем, дешевым, однако надежно отшибавшим нюх.

Свой?

Или чужак, воспользовавшийся отсутствием хозяина? Брокк ныне редко появлялся в городе. И тогда получается, что его лишь пугали? Сработай запал, и пострадала бы конюшня, лошади. Конюхи и мальчишка-рабочий. Возможно, дом бы задело. Пожар опять же.

Кейрен повернулся к Брокку и повторил вопрос:

– Так почему вы не боитесь?

– Какое это имеет значение?

– Никакого, – признался следователь, сбивая соринку с рукава. – Интересно. Мне, знаете ли, случалось работать по… аналогичным делам. До бомб, правда, не доходило. – Он слегка ослабил узел галстука. Узлы Кейрен вязал совершенные. – Обычно ограничивалось письмами. Иногда стреляли. Еще похищение как-то случилось.

Кейрен наклонился и поднял с земли мятую бумажку. Из необъятного кармана появился белоснежный платок с монограммой.

– Так вот, мои подопечные, как правило, очень нервно реагируют на угрозу их жизни. После третьего-четвертого письма начинают требовать охрану… или сами ее нанимают.

Положив находку на платок, Кейрен поворачивал ладонь влево и вправо, разглядывая этот клок бумаги с преувеличенным вниманием.

– Вы же получили сотню писем…

– Думаю, что и полторы. – Первые Брокк отправлял в камин. И отправлял бы дальше, если бы угрожали только ему.

– Полторы, – задумчиво повторил Кейрен и поднес бумажку к носу. Он втягивал воздух медленно, и точеные ноздри раздувались. – Полторы сотни и одна бомба, которая чудом не взорвалась. А вы мало того что не требуете охраны, так еще и лезете ее снимать.

Завуалированный упрек цели не достиг: Брокк не испытывал угрызений совести.

– Она ведь и взорваться могла…

– Могла, – согласился Брокк.

Кейрен бережно завернул клок бумаги в платок, а сверток отправил в карман.

– Это крайне неразумно с вашей стороны. Следовало дождаться приезда специалиста.

– Думаете, ваш специалист разбирается в бомбах лучше меня?

Кейрен покачал головой.

– Думаю, – мягко заметил он, – что смерть специалиста куда менее огорчила бы его величество, нежели ваша. Кстати, вы не находите, что погода сегодня на редкость отвратительная?

Словно желая подыграть Кейрену – намек был более чем прозрачен, – начался дождь. Холодные капли осели на волосах следователя, на серой ткани плаща, коснулись рук, которые тотчас побелели, и Кейрен чихнул.

– В таком случае, предлагаю пройти в дом. – Брокк менее всего был настроен на продолжение беседы. Кейрен вновь заговорит об охране или переезде, о недопустимой беспечности Брокка, которому следовало бы и дальше оставаться в загородном поместье, а он, неразумный, вернулся.

И ладно бы повод был действительно серьезный.

Гостиная выглядела неожиданно мрачной, осенней. Затянутые дождем окна были серы. Кофейного цвета обои потемнели, и тусклыми жилами проступали на них золотые нити.

Заняв место у камина, Кейрен признался:

– С детства ненавижу холод. Сосуды слабые. Все братья надо мной смеялись, что я как девица, чуть подмерзну и вот… – Он протянул неестественно белые руки к огню. Выходит, не притворялся, и вправду мерз. Даже ногти приобрели неприятный синеватый оттенок.

– Чай? Кофе? Коньяк?

Роль гостеприимного хозяина давалась Брокку нелегко. От гостей он отвык, а те редкие посетители, которым случалось переступать порог его дома, мирились с некоторой мрачностью характера.

– Чай, пожалуйста. – Кейрен снял-таки плащ, который аккуратно повесил на спинку кресла. – И от коньяка не отка-

жусь. Я ведь военным стать хотел. У нас в семье принято так. Не взяли. Хотя, конечно, правильно… боец из меня никудышный. И даже отец это понимал. Но когда я в полицию пошел, он расстроился. Месяц со мной не разговаривал.

– Полицию не любит?

– Недолюбливает, но… там другое. За меня волновался. Нехорошо заставлять близких волноваться, но иногда… выходит так, как выходит.

И к чему эта задушевная беседа? Брокк открыл бар, достал бокалы, коньяк – бутылка успела покрыться пылью, дожидаясь своего часа, – и поинтересовался:

– Что вам от меня нужно?

– Помимо чая и коньяка? – Кейрен принял бокал и, поставив на ладонь, поднес к огню. – Не волнуйтесь, я не собираюсь вас уговаривать. Надоело, знаете ли… – Зажмурившись, он вдохнул коньячный аромат. – Но вы правы. Интерес у меня имеется. Что вы думаете о бомбе?

– Если полагаете, что я знаю, кто ее сделал, и молчу, то вы ошибаетесь.

– Я полагаю, – взгляд Кейрена был по-прежнему безмятежен, – что сегодня снаряд оказался под вашим экипажем. А завтра? Как знать… Мастер, что будет, если завтра бомба окажется не под днищем вашего экипажа, но, скажем, под сценой Королевского театра?

Брокк замер.

– Или в Академии… в парке… во дворце… просто на пу-

ти его величества.

Проклятие!

– Вижу, теперь вы осознали всю… скажем так, неоднозначность ситуации.

– Пока угрожали только мне.

И, вероятно, в том была своя ирония: творение убивает создателя.

– Пока, – согласился Кейрен, пробуя коньяк. – Чудесно… воистину благородный напиток. И согревает, что для меня, поверьте, актуально.

– Механизм прост. Заряд, запал и замедлитель. Запал разрушает стеклянную оболочку с зарядом, выпуская живое пламя. При соприкосновении с воздухом начинается непроизвольная реакция первичного выброса.

Брокк смотрел на следователя сквозь коньячную призму. И мысль напиться уже не казалась такой нелепой.

– Истинное пламя использует в пищу все, до чего дотянется, но, не имея плотного контакта с жилой, погибает.

И Брокк помнит эхо боли, доносившееся с полигона.

– Вот только до своей гибели уничтожает все на футы вокруг, – завершил Кейрен. – Райгрэ Брокк, я понимаю ваше… двойственное отношение к подобным устройствам, но мне нужно знать, насколько реально вне стен лаборатории… или вашего корпуса создать такую вот бомбу.

– Технически само устройство элементарно. Основная проблема в заряде. Запереть истинное пламя не каждый спо-

собен. Дело не в физических возможностях, но в умении создать уравновешенный силовой контур. Что до остального, то и человек, более-менее знакомый с принципами механики, управится.

Кейрен слушал, разглядывая собственные руки: кожа хоть и была белой, но утратила прежнюю мертвенную бледность, и ногти приобрели нормальный цвет.

– Возможно, возникнет затруднение с некоторыми реактивами, но… сами понимаете, сейчас довольно просто достать многие запрещенные вещи. Или вовсе сменить замедлитель с химического… – Брокк все же присел и окинул комнату взглядом, который остановился на часах. – Скажем, на механический. Он будет точнее.

Дождь прекратился, и в окнах посветлело. Зябкое осеннее солнце выглянуло, но не пройдет и часа, как прорехи в тучах затянутся и с небес вновь хлынет вода.

– Значит, искать надо среди своих…

Похоже, эта мысль была Кейрену не по нраву.

– Боюсь, что так. – Брокк коснулся стекла, которое было влажным и изнутри. – Человек не сможет воспользоваться силой жилы.

Пауза длилась несколько секунд. Кейрен смотрел на огонь, коньяк и собственные руки.

– Если я правильно понял, то связать пламя не так просто, верно? И как много найдется тех, кто способен на подобное?

Не много. И каждый оставляет свой отпечаток силы, вот

только истинное пламя, пусть и запертое в стекле, искажает след. Будь колба пустой, Брокк сказал бы, чьи руки создали ловушку.

Будь колба пустой…

– Мне надо подумать, – ответил Брокк, глядя в глаза Кейрену.

И тот, коснувшись пальцем черной запонки, сказал:

– Думайте, мастер. Но… вы понимаете, что времени на раздумье осталось немного. И еще, я просил бы вас не задерживаться в городе.

Брокк и не собирался.

Сейчас, глядя на изможденную болезнью женщину, он составлял список имен. За каждым стоял если не друг – друзей у Брокка давно не осталось, – то единомышленник. И сам этот список казался почти предательством.

Но было истинное пламя, и тот, кто заключил его в стекло, готовился к войне.

Брокк потер виски: он устал воевать.

Глава 3

От воды тянуло тиной.

На городских окраинах река, выбравшись из обложенного плитами русла, разливалась. Она была черна и медлительна, ленива в своем течении, которое выносило к берегам мелкий сор. Летом, на жаре, река мелела, обнажая каменистый берег. Но сейчас, напоенная осенними дождями, она разбухла и добралась до линии домов. Первые из них, поставленные на сваях, были стары, и каждый год ходили слухи, что вот-вот эти дома снесут, но время шло, а предсказания не сбывались.

Дома разваливались.

Деревянные стены их давным-давно почернели, покрылись слоем липкой плесени. Внутри царила сырость, которую не в состоянии было отпугнуть робкое пламя очагов. Да и то, хозяева вряд ли могли себе позволить подобную роскошь: здесь если и топили, то редко и скупо.

И человек в черных перчатках мерз.

Он расхаживал по единственной комнате, изредка останавливаясь возле окна, затянутого мутными толстыми стеклами. Меж ними и решеткой, в которую стекла были вставлены, зияли щели. Их конопатили мхом, замазывали глиной, но та шла трещинами, и из щелей тянуло сквозняком.

– Успокойся уже, – бросила высокая статная девица, оде-

тая по-мужски. Кожаные штаны сидели на ней плотно, обтягивая крепкий зад и мускулистые бедра, а вот вязаный свитер был широк и коротковат. Из-под него выглядывали полы клетчатой рубахи, плотной, но поблекшей от многих стирок.

Черты ее лица были лишены всякого изящества: подбородок чересчур тяжел, а глаза – непривычно раскосы. И девица подводила их черным углем, но эта единственная, допущенная ею женская слабость лишь сильнее подчеркивала некоторую диковатость ее облика. Рыжеватые волосы она обрезала коротко, неровными прядями и повязывала поверх них косынку.

– Время, Таннис, время. – Мужчина снова задержался у окна и, опершись рукой на раму, словно пробуя ее на прочность, пробормотал: – Я не могу торчать здесь вечность.

– Не маячь, Грент. – Таннис оседлала стул и положила руки на спинку. – Кто тебя тут держит?

Мужчина ничего не ответил, но одарил собеседницу таким взглядом, что та предпочла замолчать, только пробормотала:

– Франтик фигов.

Он и вправду разительно отличался от Таннис. И пусть бы изо всех сил скрывал свою принадлежность к Верхнему городу, но не выходило. Темный костюм его сидел слишком хорошо, чтобы быть купленным в магазине готовой одежды, да и сама ткань была отменного качества. Остроносые туфли мужчины всегда блестели, и порой Таннис задавалась вопро-

сом: как ему удается пройти по грязи, не замаравшись?

Впрочем, вопросы она держала при себе. Так оно спокойней.

– Неужели так сложно явиться вовремя? – Грент, вытащив из кармана брегет, постучал по крышке. – На полчаса опаздывает!

Таннис пожала плечами: здесь время шло иначе. Его отмеряли по голосам барж, заводским гудкам и по солнцу, ныне спрятавшемуся. Она ненавидела осень и холода, потому как в это время Нижний город погружался в сумрак и жизнь в нем становилась невыносима.

Нет, ничего особо не менялось. Все то же размеренное посменное существование, муравьиная суета многоквартирного дома, ссоры за тонкой стеной, отрешиться от которых не выходит при всем желании. Плач детей. Отцовский кашель и тихое смирное пьянство. Мамашино недолгое терпение и резкий скрипучий голос, что так легко срывается на крик. Окошко, которое полагается закрывать фанерой. Ширма из старой простыни. И работа, привычная, монотонная и тем самым выматывающая душу.

Вечный влажный сумрак и разъеденные щелочными растворами руки.

Книги единственной отдушиной, читаные и перечитанные, каждое слово Таннис наизусть помнит, но все равно цепляется за потрепанные томики, бережно перебирает слипшиеся страницы. А мамаша грозится книги спалить,

чтобы Таннис зазря глаза не слепила и свечи не жгла. Только угрозу исполнить побоится, но Таннис книги все равно прячет… благо есть где.

…Войтех был бы рад, что она читает. И про убежище не забыла.

Разве этому, в костюме, в щегольском плащике с кожаными нарукавниками, который стоит больше, чем Таннис получает за год, понять, каково это, родиться в Нижнем городе? Прожить здесь если не жизнь, то два десятка лет, без надежды на иное будущее?

Для него все – забава, и он злится исключительно оттого, что игроки собрались не вовремя.

Но вот он вздрогнул, повернулся и, прислушавшись к чему-то, кивнул. Потом и Таннис услышала шаги и натужный скрип двери: петли давно пора было смазать.

– Наконец-то вы соизволили явиться, – бросил Грент, убирая брегет в нагрудный карман. И цепочку поправил этак, чтоб, значит, красиво висела.

Патрик повел плечами и ничего не ответил. Он вообще говорил мало, редко, стесняясь громкого своего голоса и неумения подбирать слова.

– Не желаете ли объяснить, где пропадали все это время?

Грент был зол. И Патрик, запустив руки в рыжие космы, пробормотал:

– Так это… малая… это… кашляет. Моя велела… это… чтоб к аптекарю, значит… настой… а то ж вдруг это… то-

го… – Он смутился и замолчал.

– Сходил хоть? – Грент успокоился.

– Ну так.

– Ребенка надо бы доктору показать.

Таннис фыркнула. Можно подумать, ему есть дело до дочери Патрика и до самого Патрика. Нет, к чести Грента, за работу он платил в срок, щедро накидывая за возможный риск, но задушевные беседы беседовать с ним желания не возникало.

А он старался.

Лез в душу, выспрашивал о семье, притворяясь сочувствующим. Только по глазам же видно, что на самом деле ему плевать. И чего ради стараться? У него ж на лбу написано, что чужак, из верхних, чистеньких. Вон, вроде руку Патрику пожал, но при том перчатки снять побрезговал.

– Итак, раз все в сборе… – Грент отлип от окна и подошел к столу.

Свечи зажигал сам, не жалея. И всякий раз приносил новую связку, а про то, куда прежние деваются, не спрашивал. Таннис забирала их с собой. А что, хорошие ведь, восковые, и горят ярко. Остается-то больше половины, считай. И если экономно тратить, а не по дюжине зараз, то надолго хватит.

– Вынужден признать, что наша предыдущая миссия не увенчалась успехом. – Грент присел на стул, на который заботливо кинул батистовый платок.

Он бросил взгляд на Таннис: поинтересуется ли она, о ка-

кой миссии речь идет. Но Таннис промолчала. Не хочет она ни о прошлой миссии знать, и, положа руку на сердце, нынешняя, еще не озвученная Грентом, ей уже не по нраву.

Листовки – одно дело.

А бомбы – совсем даже другое.

– С одной стороны, это, конечно, не может не печалить. С другой… все, что ни делается, все к лучшему. Теперь они знают, что намерения наши серьезны.

Патрик, устраиваясь на табурете, крошечном и ненадежном для него, пробурчал что-то маловразумительное. Таннис решила на слова не тратиться. Намерения, миссия… платил бы…

– И да, королевские ищейки носом землю роют. – Грент произнес это с явным удовлетворением. – Риск возрастает в разы. Поэтому следующую акцию нужно продумать очень тщательно…

Думал всегда он, и Таннис порой удивлялась, для чего Гренту вообще этот дом на краю реки, она, Патрик, Томас и другие, которые порой появлялись на собраниях? Неужели и вправду полагает, что они увлечены красивыми его словами? Конечно, справедливость – штука полезная, но не настолько, чтобы Таннис, разом о делах позабыв, бросилась ее восстанавливать.

Да и разговоры о бомбах со справедливостью в ее голове не увязывались.

Наверное, мозгов бабьих не хватало.

– Мне кажется, нам следует немного изменить подход к делу. – Грент открыл кофр, который носил с собой. Еще одна штучка, чуждая месту. Черная кожа, посеребренный замок и вензель незнакомый, но симпатичный. Таннис его перерисовала интереса ради, а Грент, которому на глаза рисунок попался, взбеленился, орать стал, что Таннис сдать его хочет…

Дурачок. Таннис понимает, что с королевскими ищейками связываться себе дороже. Она-то небось в нынешних делах по уши увязла, и значит, отправят или на каторжную баржу, или сразу на виселицу. Это у Грента соскочить выйдет: хозяин вступится, а то и сам со своего кармана судейских подмажет, чай, не бедный.

Рассчитывался Грент всегда вперед, доставал из кармана бумажник, кожаный, с металлическими уголками, и, открыв, долго перелистывал купюры. Выбирал всегда потрепанные, видимо, полагая, что и такие сойдут. Таннис брала, но в этой переборчивости ей виделась истинная натура Грента.

…Войтех наверняка запретил бы с ним связываться.

– Поскольку разъяснительная работа с населением не дает тех плодов, на которые я рассчитывал…

Листовки печатались тут же, на хитрой машинке, которую принес Грент, а Патрик, завороженный устройством, разобрал едва ли не до винтика. А потом собрал.

Что и говорить, руки у Патрика были золотыми.

– …нам все-таки необходимо устроить показательную акцию. – Грент выпрямился и сунул пальцы за лацканы пиджа-

ка. – Именно здесь, в Нижнем городе.

Таннис поморщилась. Все-таки чем дальше, тем меньше ей нравилась затея Грента. И если поначалу все выглядело довольно безобидно: подумаешь, бумажки разнести, раскидать по цехам, расклеить на стенах домов, где и без того висит всякого мусора, то разговоры, а выходит, что не только разговоры, об акциях и взрывах – дело иное…

– Чего? – встрепенулся Патрик и вновь башку поскреб.

Как бы он вшей не принес. У Грента, видимо, та же мысль возникла, и он от Патрика отодвинулся.

– Вот, – Грент ткнул пальцем в точку на карте, – старые склады. Во-первых, они действительно стары и городу давно следовало бы избавиться от них. Во-вторых, почти не охраняются, следовательно, прийти и уйти будет легко. В-третьих, в данный момент склады эти готовятся принять весьма ценную посылку. Так уж вышло, что основные оказались перегружены.

Таннис порой становилось любопытно, чем же занимается Грент у себя там, наверху, если знает такие вот вещи. Но она свое любопытство одергивала, повторяя, что меньше знаешь – дольше живешь.

– И груз «Леди Дантон» решено разместить здесь. Всего на сутки.

Патрик не столько слушал, сколько вертел в руках железки. И Таннис вновь поразилась, как неуклюжие с виду, грубоватые пальцы Патрика ловко управляются со всякой ме-

лочью. И ведь нравится, едва не мурлычет от удовольствия. Вот ему, пожалуй, и денег не надо. С Грентом он потому, что тот дает ему настоящую работу – с заводскими станками Патрику возиться скучно.

– Охранять будут, – заметила Таннис.

– Угу. – Патрик раскладывал на столе узор из шестеренок, болтов и пружин, то и дело отстраняясь, любуясь своим творением, существовавшим пока лишь в его воображении.

Грент поморщился: он не любил возражений, а Таннис возражала часто.

– Основной расчет на то, что о грузе не знают. И на складе будет разве что пара гвардейцев.

А вот это плохо. У псов нюх такой, что…

– Не стоит нервничать, – усмехнулся Грент. – На старой пристани такая вонь стоит, что учуять что-либо невозможно. Это я вам гарантирую.

Ну да, гарантия – хорошо, но сам Грент своей шкурой не рискнет. И Патрика не пустит – у него другая задача. А значит, идти выпадет Таннис.

– Тем более что нет необходимости лезть именно на тот склад. Достаточно будет разместить наш подарок на соседнем…

Он выжидающе уставился на Таннис, которая не спешила вызываться добровольцем. Она ответила таким же прямым взглядом, что Гренту явно пришлось не по вкусу.

– О деньгах договоримся, – сказал он, кривясь.

Нет, деньги, конечно, аргумент, – как сам Грент выражается, но голова всяк дороже. Таннис еще слишком молода, чтобы с пеньковой вдовушкой знакомство свести. И Грент, чувствуя ее сомнения, нацарапал что-то на бумажке, а бумажку сунул в ладонь.

Сумма была… да у Таннис и вообразить такие деньжищи не получалось.

Если все выйдет, то… то она уберется из Нижнего города, прикупит себе квартирку на другом берегу, а то и вовсе от воды подальше. Платье красное с кружевами и бантом на всю задницу – Таннис видела такое в витрине. И маленькую собачку, чтобы как в той книге про любовь.

На бумажном клочке, который Таннис мяла, стараясь стереть страх, жила ее мечта. Пусть немного корявая, но какая уж есть. И разве она не заслужила немного счастья? Или хотя бы тихой спокойной жизни, чтобы никто не орал за стенкой пьяным голосом, не плакал, уговаривая прилечь, не заходился кашлем… без завода, отупляющей работы и вечерних посиделок с кислым пивом и похабными шутками, в бесплотной попытке ощутить себя живой.

– Я… – Таннис провела языком по губе и бумажку сунула в карман. – Я согласна. Только, Грент, если меня возьмут, то не думай, что я молчать стану.

– Не думаю. – Ладони Грента легли на плечи. Они были тяжелыми, и… неприятно. Даже сквозь свитер и рубаху неприятно. Таннис хотела стряхнуть его руки, но замерла. –

Тебя не поймают, если сделаешь все правильно.

Он наклонился и, стянув косынку, поймал губами рыжеватый локон. Таннис отшатнулась, едва со стула не слетев.

– Ты чего творишь?

Патрик, увлеченно перебиравший шестеренки – под неловкими его пальцами рождался новый удивительный механизм, – ничего не заметил. Он мурлыкал, и гортанные эти звуки уговаривали железо слушаться. И ведь слушалось.

Человека.

Хотя… как знать, может, есть в Патрике и их кровь, разбавленная только.

– Ничего, Таннис. – Грент гладил шею, и Таннис замерла.

А ведь шея грязная.

Нет, Таннис за собой следит. И вчера она в общественную умывальню ходила, а сегодня перед тем, как сюда отправиться, ополоснулась холодной водой. Но все равно, шея-то грязная, и рубаха под свитером не первой чистоты. У Грента вон, все кипенно-белые, накрахмаленные до хруста. А у нее на груди пятно: папаша разлил свое пойло. И пусть Таннис вымачивала рубаху в щелоке, терла ее зеленым мыльным камнем, пятно не отошло.

…пахнет, наверняка, перегаром, пусть бы сама Таннис и не потребляет. Дымом. Мокрой овечьей шерстью, к вони которой Таннис вроде и привыкла, но теперь вдруг ощутила ее наново. Щелочью.

Потом.

– Ты очень напряжена, девочка, – ласково сказал Грент.

И руки переместились на спину. Он просто гладил, вверх и вниз, и эта странная ласка заставляла Таннис выгибаться в попытке избежать прикосновения.

– Отвали.

Не услышал, но напротив, подвинулся ближе. А руки вдруг оказались под рубашкой. И сквозь полотно перчаток Таннис ощущала их, теплые, надушенные…

…отвратительные.

– Ничего страшного не произойдет…

Конечно, он-то будет у себя дома отсиживаться, перед камином, плеснув коньячка в бокал. И газетку на колени положив. Таннис так отчетливо увидела этот самый камин, что скривилась.

– Отвали, слышишь?

– Ты просто отнесешь посылку, склады-то работают… притворишься служащим, никто не удивится. Отнесешь, и все, Таннис. Большие деньги за пустяковую работу.

Ну да, сущая безделица, до складов прогуляться с коробочкой. Другое дело, что в коробочке будет находиться Патрикова машинка, и если она сработает вдруг, то что останется от Таннис?

Правильно, горстка пепла.

Пеплом становиться ей вовсе не хотелось. С другой стороны, в кармане лежала мечта, та, с домом, платьем и собачонкой…

– Нечего бояться, – повторил Грент, отступая.

Далеко не ушел. К кофру, из которого появился деревянный ящичек с печатью винной лавки. Дорогой, надо полагать, небось там не льют по бутылкам мутное пойло из немытой бочки. Грент осторожно сдвинул крышку. В ящике, в колыбели из овечьей шерсти, лежала колба из прозрачного стекла. А в колбе, растекаясь по стенкам рыжим пологом, пробуя темницу на прочность, сидело пламя.

Грент извлекал ее осторожно, и даже Патрик прервался, поднял косматую башку.

– Ты это… – он вытянул губы, не зная, как объяснить, – того… туда… я сам.

Глаза Патрика вспыхнули. Вот безумец, ему и вправду нравится возиться с живым огнем, несмотря на то что малейшая ошибка будет стоить жизни. А может, именно поэтому?

Жена. Четверо детей.

Заводские агрегаты, изученные им до последнего винтика. Тоска. И руки, не знающие покоя. Патрик жадно подался вперед. Он был зачарован переливами огня, и тот, чуя интерес, погас, собрался до плотного янтарного шара, чтобы в следующий миг беззвучно распасться на сотню искр.

Грент положил колбу туда, куда указал Патрик, – в ящик, заполненный уже не шерстью, но соломой. И Патрик, не доверяя нанимателю, проверил, правильно ли уложил.

Как он может прикасаться к этому?

Патрик прикасался, он прижимался к колбе щетинистой

щекой, поглаживал ее желтыми прокуренными пальцами, лопоча что-то ласковое, и огонь слышал его голос, казалось, отвечал даже.

Таннис передернуло.

– Твой страх беспочвен. – Грент вновь оказался рядом и, окончательно забывшись, обнял Таннис. – Я знаю, что делаю.

В этом Таннис не сомневалась. Вот только чужая рука – на сей раз он и перчатки стянул, – которая забралась под свитер, неприятно холодила кожу.

– Я хороший мастер.

Это было сказано со злостью.

Он ли?

Врет. С таким человеку не сладить.

Кто дал ему колбу? Лучше не знать.

Таннис дернулась, пытаясь выбраться из ловушки его рук, но Грент не собирался ее отпускать. Что ему надо? Ну не в самом же деле он собирается завалить Таннис? Нет, по местным меркам, она ничего. И зубы все на месте, и лицо целое, но ведь Грент с Верхнего города, он небось привык к хрупким нежным дамочкам, а нежности в Таннис отродясь не было. Или потянуло на этакое, с перчиком? Думает, раз денег обещался, то теперь все позволено? Так Таннис ему за подобные шутки свернет нос благородный на раз. Деньги ей за работу обещаны, и работу она исполнит. А что до остального, то Таннис не шлюха.

– Лапы убери. – Таннис хлопнула по ладони и выверну-

лась-таки. – Что ты себе удумал?

– Ничего, – осклабился Грент. А глаза злыми стали.

То-то же, небось привык, что к нему любая в койку с радостью прыгает. Таннис не из таких.

– Я тебе расслабиться помогаю, дурочка. Кому ты нужна?

Он отошел и нарочно окинул Таннис таким взглядом, что она остро ощутила собственную несуразность. И свитер, который мама отцу вязала, да нитки кончились, и штаны, в голенища заправленные, и ботинки высокие с тяжелой подошвой, какие грузчики носят. И волосы, остриженные коротко тупой отцовской бритвой. Таннис не виновата, что появилась на свет в Нижнем городе, здесь все такие.

– Расслабляйся в другом месте, – буркнула она, обнимая себя.

Ничего. Все у Таннис будет.

И оказавшись там, по другую сторону реки, она наипервейшим делом купит модный журнал, из тех, которые в Нижний город попадают изредка, весьма потрепанными, но все равно яркими. И в этом журнале найдет адрес салона. И заглянет. А что, деньги-то будут, а с деньгами – Таннис усвоила это с детства – все двери открыты. И там, в салоне, ее причешут, намажут, сделают, в общем, похожей на женщину.

– Вы, это, – Патрик оторвался от ковыряния в шестеренках, – того… ну… а то ж оно так…

– И вправду, Таннис. Ты ведешь себя как ребенок.

А он, значит, взрослый.

– К делу давай. – Она все же приблизилась к столу и села, правда, табурет передвинула так, чтоб сидеть подальше от Грента. Он же осклабился и подмигнул, мол, все равно не отстану.

Скотина.

– Смотри, – он ткнул в карту, заставляя Таннис привстать, чтобы разглядеть, что же такого он показывает, – из пяти складов реально работают третий и второй. Состояние их не идеальное, но неплохое. До войны склады начали ремонтировать, но успели только эти два. Поменяли внутренние перегородки, подлатали крышу. Но это ерунда, наша малышка справится.

Грент протянул было руку к стеклянной темнице, но Патрик заворчал, предупреждая.

– Груз разместят во втором. Он стоит чуть наособицу, что нам на руку.

– Что везут?

– А тебе какое дело? – Грент приподнял бровь и мизинцем в кончик носа уперся. Нос у него знатный, крупный, с широкою переносицей и вывернутыми ноздрями. – Хотя… раз ты у нас такая любопытная. Опоры для воздушного моста. Тросы укрепленные. И энергокристаллы.

Ох ты ж…

Патрик и тот едва не выронил какую-то хитрую детальку, которую до того разглядывал, поднося то к одному глазу, то ко второму.

– Новая партия, прямиком из Каменного лога. – Грент оперся ладонями на стол так, что большие пальцы рук его касались нарисованного склада, словно тиски, желавшие склад раздавить. – Груз пойдет на Перевал. А там… – Голос его звучал глухо. А в глазах появилось что-то такое, что Таннис закусила губу, сдерживая язвительное замечание. – Каждый кристалл – это дракон. Каждый дракон – это дюжина вот таких, – он мотнул головой в сторону ящика, – шаров.

А каждый шар – взрыв.

Таннис помнила ту поездку за город. И пустырь. И крохотную совсем колбу с алым лепестком внутри. Собственное недоверие, неужели вот эта искорка способна что-то разрушить? Ворчание Патрика, которому хотелось разглядеть ее поближе. Злой голос Грента.

И то, что случилось после: огненная волна, прокатившаяся от края до края. Черная земля. Оплавленные камни. Руки, что тряслись, и дрожь не унималась. Болезненная гримаса на лице Грента. Фляга с коньяком, которую он осушил в два глотка.

Патрик, опустившись на четвереньки, трогал землю, закапывал руки в пепел и, вытаскивая, нюхал пальцы. Он гладил щеки, пробовал землю на вкус и долго не желал уходить.

– Мы уничтожим груз. – Теперь, когда рука Грента накрыла ладонь, Таннис не стала ее сбрасывать. – Но главное, они на собственной шкуре ощутят, что создали.

Его пальцы скользнули по запястью, приподнимая рукав

свитера.

Какого он привязался?

– И быть может, – задумчиво произнес Грент, – они перестанут создавать оружие.

Патрик вздохнул.

И этот вздох вновь изменил Грента. Он стал прежним, подтянутым, деловитым и насмешливо-равнодушным. И от Таннис, к немалому ее облегчению, отвернулся, словно уже получил то, чего хотел.

– Надеюсь, на сей раз будет без осечек? – осведомился.

И Патрик, дернув плечом, проворчал:

– Так это… химия… надо иначе… часы.

– Подойдут? – Грент извлек свой брегет.

– Не-а. Маленькие. Надо это… такие. – Патрик руками попытался показать размер часов, которые ему нужны. – Я тут того… на час… а там зазвонит и…

…и стекло треснет, выпуская пламя.

Огненная волна обрушит стены склада, обратит крышу в пепел и выплеснется на пристань, уничтожая все, к чему прикоснется.

Все и всех.

– А люди… охрана… что будет с ними? – Таннис скомкала бумажку.

Она не убийца.

Денег много, но она не убийца.

Она слово дала, что… бумажка выпала из онемевших

пальцев.

– Не волнуйся. – Грент не позволил ей встать. – Охрану отвлекут. Нам пока не нужны человеческие жертвы. Ты веришь?

Да.

И нет.

И наверное, все-таки да. Зачем ему лгать? Одно дело – взрыв, и совсем другое – мокруха… еще Войтех предупреждал, что по мокрухе иначе копают. А Гренту с ищейками не с руки вязаться.

– Главное, не отступай от плана, – сказал он, глядя в глаза. Наклонившись, поднял бумажку и сунул в руку. Пальцы сжал, заставляя принять. – Все рассчитано. Твоя задача – появиться на складе вовремя. А наша – сделать так, чтобы никто лишний не пострадал. Ясно?

Таннис кивнула.

– Вот и умница.

Он не спешил отпускать, но, когда Таннис поднялась, не стал удерживать ее. Он просто стоял, глядя в глаза, и Таннис не выдержала, отвернулась.

– Ты веришь мне?

Он сдавил запястье.

Отступить?

Поздно. Таннис не дура, ответит «нет», и Грент не выпустит ее живой. Наблюдает. И ноздри раздуваются, словно он, как и его хозяин, пытается уловить ложь по запаху.

Не выйдет.

Не сейчас.

– Конечно, верю, – с улыбкой ответила она.

И Грент, кивнув, бросил:

– Хорошо. Но помни, лапочка, я знаю, где ты живешь…

Угрожает? Нет еще. Предупреждает. И улыбка его говорит, что лучше бы Таннис прислушаться к предупреждению. Она дернула плечом и села на место.

Стул раскачивался. Скрипел.

Бумажка жгла карман.

А время тянулось… и тянулось… на нее больше не обращали внимания, но Таннис выжидала, отсчитывая про себя секунды. С реки донесся голос вечерней баржи, и он послужил хорошим предлогом.

Таннис поднялась, легко передвинув стул.

– Если я вам не нужна, – эти двое надолго нашли себе занятие, Грент склонился над плечом Патрика, но тот, увлеченный работой, на надзор не обращал внимания, – то пойду, пожалуй.

Грент махнул рукой: мол, свободна. Только у дверей нагнал его голос:

– Через неделю в семь. Буду ждать. Не опаздывай, Таннис. И не отступай от плана.

В семь… опять придется заменяться.

…если, конечно, она не найдет способ соскочить.

Не позволят.

И хвост, за ней увязавшийся, лучшее тому подтверждение. Таннис не видела того, кто шел по ее следу, но чувствовала чужое пристальное внимание.

Влипла.

И Войтех сказал бы, что сама виновата, но… она найдет способ вывернуться. Вдруг да снова повезет?

Стряхнув с куртки капли дождя, Таннис обернулась. Ничего. Дождь. Грязь. Крысы, выбравшиеся из подвалов. Мусорные кучи и белый дым, полосой протянувшийся по небу. Кислый запах мочи. Старый Крюнш, вновь заснувший на лестнице… громкий голос мамаши, долетавший сверху. Ей визгливо отвечал управляющий, и эта ссора, видать, давно тянулась, утратила свой изначальный запал, но и прекратится она нескоро.

Таннис вздохнула. Как бы оно ни сложилось, но о своих она позаботится. И нашарив в кармане подмокшую бумажку, Таннис сжала ее в кулаке.

В новом ее доме будет пусто.

Спокойно.

Тихо.

Глава 4

Во сне Кэри вновь играла в прятки. И пряталась так хорошо, что тот, кто обычно шел за ней, отсчитывая время хрипловатым низким голосом, искал ее долго, до самого рассвета, но так и не нашел.

Она проснулась с улыбкой на губах и, вскочив с постели, бросилась к окну. Почти рассвело. Артритные ветви старых кленов цеплялись за желтый шар солнца в попытке хоть немного согреться. А Кэри чувствовала себя почти счастливой. Так уж повелось, что именно эти предрассветные минуты принадлежали только ей, и здесь, и в доме, в который Кэри уже не вернется.

Было ли ей грустно?

Ничуть.

Да и о чем грустить?

О скрипучей лестнице, которую охраняли две химеры. И в сумерках они скалились, словно тоже не признавали Кэри за свою. О дверях, вечно запертых. О ворчащих трубах, наполнявшихся по осени водой. Она гудела, и казалось, что дом страдает желудочными болями и оттого становится более сварлив, нежели обычно. Он вновь и вновь жалуется на Кэри, нарочно сталкивая ее с теми, кого она не желала бы видеть.

Нет, Кэри не хочет возвращаться.

Она вздохнула и обняла коленки. Прислонившись к стеклу – все-таки холодное, – Кэри попыталась представить, каким будет ее муж. Конечно, Элоис вчера многое о нем рассказала, но… придумывать ведь куда как интересней.

Жаль, что он такой старый.

Кэри задумалась. Конечно, отец и постарше был, но выглядел неплохо. Зубы у него все сохранились. И на здоровье он не жаловался. И значит, возможно, все не так уж и плохо. Морщины, правда, уже появлялись, но к морщинам Кэри как-нибудь привыкнет.

Она постарается быть хорошей женой.

Доброй.

Ласковой.

И когда муж совсем состарится, а это наверняка произойдет очень скоро, то его не бросит. Она умеет быть благодарной, пусть бы он никогда не догадается, чем эта благодарность вызвана: все-таки непорядочно радоваться смерти брата.

Даже если этого брата от всей души ненавидишь. Кэри сжала кулаки, чувствуя, как ноготки ее впиваются в кожу. Надо успокоиться и забыть. Его нет. Совсем нет. И значит, нечего бояться, что где-то внизу громко хлопнет дверь, а тишину холла нарушит зычный голос Сверра:

– Где моя маленькая сестричка? Снова прячется?

Нет.

Кэри потрясла головой и шепотом повторила:

– Раз-два-три-четыре-пять…

Как ни странно, стало легче. Произнесенные ею же, слова потеряли былую силу.

Все у нее наладится.

Спустя сутки Кэри не была в этом так уверена.

В доме ее будущего мужа Кэри была лишней. Она снова всех раздражала.

Выродок.

Она читала приговор в бледных глазах Виттара. И в равнодушных – Одена, который сказал что-то вежливое, но Кэри почуяла за словами пустоту. И эта пустота столь напугала ее, что Кэри не сумела ответить. Она вновь остро ощущала собственную никчемность, которую не исправить было ни прической, ни непривычно роскошным, чересчур уж открытым платьем, ни даже драгоценностями, присланными ее величеством…

И леди Эдганг нахмурилась, закусила губу, сдерживая едкие слова. Ее молчания хватило на обед, который прошел в напряженной тишине. Но когда подали чай, леди Эдганг раздвинула губы и проронила:

– Отродье.

Наверное, всего было чересчур много, и Кэри не выдержала. Она сама себе казалась струной, натянутой до предела. Тронь такую – и разорвется, ударит по пальцам, рассечет до крови.

Смешно.

Она и Сверру-то никогда ответить не умела.

И теперь что ей остается? Терпеть. Пить горький чай. Улыбаться.

Делать вид, что все хорошо.

Замечательно.

– Отродье. – Скрипучий голос леди Эдганг нарушил тишину гостиной. – Два отродья в одном доме…

– Простите? – Леди Торхилд растерянно улыбнулась.

– Она – отродье. – Леди Эдганг ткнула в Кэри пальцем и добавила: – Ты тоже.

Кэри вздрогнула, и чашка в ее руке опасно накренилась.

– Безрукая… – с глубочайшим удовлетворением заметила старуха.

– Ничего страшного. – Леди Торхилд подала салфетку. – Пятнышко совсем крохотное. Его выведут к завтрашнему дню.

Пятнышко… крохотное… темное пятнышко на нарядном платье… таком красивом, что на мгновение Кэри показалось, будто и сама она хороша собой. Это ложь, выродки не бывают красивы, а теперь и платье испорчено. И на глаза навернулись слезы, которые не могли остаться незамеченными. Леди Эдганг всегда остро чуяла настроение Кэри. Сейчас она усмехнулась и бросила:

– Пустая кровь… гнилая… иди к себе.

С ее стороны такой приказ – почти милосердие: плакать

лучше за закрытыми дверями. Кэри было невыносимо от мысли, что все получилось так нелепо. И вправду ничтожество, позор древнего и сильного рода… недоразумение, которому нигде не рады.

Роскошные покои были пусты. И Кэри почти удалось прийти в себя. Она уселась у окна, которое выходило на тисовую аллею.

Вновь начался дождь, и Кэри наблюдала за тем, как капли скользят по стеклу, вырисовывая зыбкие осенние узоры. К ней возвращалось утраченное спокойствие, впрочем, хватило его ненадолго.

– Ничтожество, – сказала леди Эдганг с порога. – Безрукое ничтожество, которое по недоразумению выжило и теперь позорит меня.

Она вернулась злой, странно взъерошенной и до самого вечера бродила по комнатам, трогая чужие вещи, брезгливо кривясь и вытирая руки о подол платья. Она шипела и стенала, а оказываясь рядом с Кэри, щипала ее. Когда же наступили сумерки, леди Эдганг прогнала горничную и сама взялась за гребень. Она вырвала шпильки из волос вместе с волосами же. И раздраженно швыряла в шкатулку. Ее руки, касаясь лица Кэри, вздрагивали. Еще немного, и леди Эдганг не выдержит, вцепится когтями в щеки, рванет, оставляя шрамы, уродуя.

Нельзя о таком думать.

– Мой мальчик погиб, а ты… – Сухие пальцы разодрали

покрывало волос. И острые зубья гребня вцепились в него, дернули. – Безрукое. Бесполезное существо. Почему ты жива?

Кэри знала: отвечать нельзя.

Леди Эдганг всегда ее недолюбливала, и, повзрослев, Кэри поняла причины этой нелюбви. Да, Атрум из рода Лунного Железа был ее отцом, но леди Эдганг, его супруга, не была матерью Кэри. Когда-то давно эта нелюбовь была прохладной, отстраненной, и огромный старый дом позволял не ощущать ее. В детстве Кэри побаивалась этой женщины с сухим, до срока постаревшим, но сохранившим следы былой красоты лицом. При встречах с Кэри, случайных и редких, на лице этом появлялось выражение величайшей гадливости, и Кэри не понимала, что же с ней не так. Возвращаясь к себе, она становилась перед зеркалом и долго разглядывала отражение, выискивая то, что столь огорчало леди Эдганг.

Не понимала.

А Сверр объяснил.

– Просто ты ублюдок, – сказал он однажды, кажется, тогда он еще не умел играть в прятки, а Кэри не научилась бояться его. И они вдвоем сидели на подоконнике. Сверр стащил кусок булки и крошил ее на подол платья Кэри, а потом они вместе бросали крошки голубям. Птицы слетались и суетились, хлопали крыльями, теснили друг друга. – Твоя мать была шлюхой. – Сверр бросал крошки по одной, стараясь отбросить подальше, и веселился, глядя, как суетятся голуби.

– Кто такие шлюхи? – спросила Кэри.

Ей хотелось стряхнуть все крошки разом, чтобы птицы наелись и не дрались друг с другом, но она знала, что Сверр не одобрит. И нечестно портить ему веселье.

– Это женщины, которые ложатся в постель с мужчиной за деньги.

Кэри все равно ничего не поняла, но почувствовала, что женщины эти поступают очень плохо.

– Мама говорит, что ты шлюхино отродье, – добавил Сверр.

Прозвучало донельзя обидно, и Кэри насупилась, готовая разреветься. А Сверр погладил ее по голове и, утешая, произнес:

– Но я все равно тебя люблю. Ты же моя сестра.

Он обнял ее, а она прижалась к нему, теплому и тогда еще надежному, единственному, кто снисходил до разговора с ней. И крошки просыпались на землю, к вящей голубиной радости.

А спустя два года Сверр ушел в Каменный лог, и там случилось что-то такое, что изменило его…

– Почему ты выжила? – шелестел голос леди Эдганг, и ледяные пальцы ее сдавили шею. – Мой мальчик погиб, а ты выжила?

Нельзя ей отвечать. И в глаза смотреть не стоит. Однажды Кэри забылась, и леди Эдганг напомнила ей о том, кто она есть, пощечиной. Разбитые губы потом долго болели.

– И теперь ты выйдешь замуж за его убийцу. – Вцепившись в белые пряди, леди Эданг дернула.

Кэри стиснула зубы, сдерживая стон. А пальцы вдруг разжались, и леди Эданг отпрянула. Она покосилась на дверь, подошла к ней на цыпочках и, нажав на ручку, приоткрыла.

Кого она ожидала увидеть за дверью?

– Ты, – леди Эданг подскочила к Кэри и, схватив за волосы, вновь дернула, – пойдешь к нему. И соблазнишь его.

Глаза ее пылали.

– Я не умею.

Ослушаться? Пожаловаться? Но кому?

– Умеешь. – Глаза леди Эданг были совершенно безумны. – Твоя мать была шлюхой. И ты шлюха. У тебя это в крови. Ты соблазнишь его…

Она шипела, выкручивая руку. И Кэри вновь пыталась не закричать от боли.

– …а потом убьешь. Он убил нашего мальчика, а ты… – Она вдруг захихикала. – Это будет справедливо. Кровь за кровь. Смерть за смерть.

– Я не…

Пощечина была хлесткой и горячей.

– Заткнись.

Холодные пальцы погладили щеку, унимая боль от удара.

– Ради нашего мальчика, Кэри. Ты ведь его любила, я знаю. А он любил тебя… ради него… вырви у этого ублюдка сердце…

В покоях Одена из рода Красного Золота пахло осенью.

Но не ранней, медово-пряной, позолоченной, а переломной, сырой, с дождями и слякотью, с извечной тоской и непролитыми слезами. Они подбираются к глазам, оседают на иглах ресниц, но не решаются сорваться.

Нельзя плакать.

И Кэри кусала губы, запирая слезы внутри.

Холодно.

И темно. Невыносимо стыдно от осознания того, что ей предстоит делать. От собственной беспомощности и неумения отказаться. И щека пылает, храня прикосновение ладони леди Эдганг.

Бежать?

Куда?

И в таком виде… Кэри опасалась смотреть на себя в зеркало, но все же, не способная справиться с искушением, поворачивалась к нему.

Вот она. Белые волосы. Желтые глаза. Бледная кожа и белое же кружево инеистым узором… зима скоро. Какая несвоевременная мысль. Зимой холодно, несмотря на то что в доме топят, пусть и слабо. Тепло живет в каминах первого этажа, в трубах второго, а до комнаты Кэри, на третьем, добирается редко. И поутру стекло и подоконник изнутри покрываются тонкой слюдяной корой. Она тает при прикосновении, а холод щиплет пальцы.

По полу сквозит, и дыхание зимы ласкает ступни Кэри.

Зимой сумрачно. В ее окна редко заглядывает солнце, и Кэри просыпает рассветы, она впадает в некое странное состояние покоя, когда постоянно хочется спать. И поутру ей сложно открыть глаза. Она сворачивается клубочком под пуховым одеялом, толстым и надежным. Кэри лежит, слушая, как часы в углу отсчитывают минуты ее жизни, и гадает, сколько уже прошло.

Утро тянется и тянется.

В четверть восьмого лестница скрипит.

И дверь открывается.

– Леди, пора вставать… – Голос горничной по-зимнему холоден, и Кэри не хочется видеть эту женщину с седыми волосами и замороженным лицом, которого никогда не касается улыбка…

…больше не увидит.

Нынешняя зима будет другой.

Какой?

Кэри не знала. Она прижала ладонь к щеке, пытаясь унять призрак боли. И руку погладила, сама себе строго велев:

– Кэри, успокойся.

Обычно это помогало, но не сейчас. Ком из слез подкатил к самому горлу, и Кэри едва не задохнулась.

Чем она заслужила подобное?

Тем, что выродок?

Наверное.

Она потрогала кружевной халат, слишком тонкий, чтобы скрыть хоть что-то, и сорочка под ним была бесстыдно прозрачна.

– Так надо. – Леди Эдганг не желала слушать возражений, и Кэри пятилась, пряча руки за спину, пока не уперлась в стену. Оказалось, отступать больше некуда. И леди Эдганг швырнула кружевной ком в лицо, бросив: – Надевай.

– Я не буду.

– Будешь. – Руку Кэри сдавили и вывернули. – Ты сделаешь все, что тебе говорят.

– Нет.

Боль усилилась, но игры со Сверром научили терпеть ее.

– Сделаешь. – Леди Эдганг, как и он, смотрела в глаза и улыбалась. Ей нравилось, что Кэри сопротивляется. Значит, можно сделать еще больнее. И пальцы, сдавливавшие руку, усилили нажим. – Конечно, сделаешь. Ты же не хочешь расстроить ее величество?

Женщину в черном и с пустыми глазами, в которых порой появлялся интерес. Тогда глаза эти обретали подобие жизни.

– Ее величество…

– Поручили мне за тобой присматривать. – От леди Эдганг пахло болезнью, и кисловатый аромат был столь омерзителен, что Кэри попыталась отодвинуться. – И сделать так, чтобы эта свадьба состоялась.

Леди Эдганг зашлась дребезжащим смехом. Она сошла с

ума, наверное, давно, но этого никто, кроме Кэри, не замечает. Всем все равно. И если так, то стоит ли просить о помощи?

Кэри ведь знала ответ.

Никто и никогда не слышал ее.

…кроме Сверра.

– Дурочка. – Пальцы вдруг разжались, и леди Эдганг погладила руку, точно извиняясь за причиненную боль. – Ты цепляешься за ложную скромность, а она не принесет тебе ничего, кроме беды. Послушай меня, девочка… – Она говорила так ласково, что Кэри стало страшно. – Как ни прискорбно осознавать, но ты и я – все, что осталось от некогда великого рода… последние искры гаснущей жилы. Ты слышала, что сказала королева?

Каждое слово.

– Им всем мало просто убить. Им надо унизить. Втоптать в грязь. Но мы этого не допустим, правда? – Леди Эдганг провела ладонью по волосам Кэри. – Ты – бастард. Выродок. Однако ты нашей крови. Неужели не слышишь ее голос?

Кэри попыталась отвернуться, но ей не позволили.

– Кэри, – леди Эдганг никогда не обращалась к ней по имени и не касалась с такой непритворной нежностью, – я знаю, что мой мальчик хорошо к тебе относился. Порой он бывал груб, но все мужчины грубы. И тот, кого назначили твоим мужем, много хуже Сверра. Если ты думаешь, что он станет тебя защищать, – ошибаешься. Не станет. Он возьмет

тебя в свою постель. И, возможно, назовет женой, но… ты же слышала, ему нужна другая женщина.

Горько.

Всегда горько, но сегодня горечь почти невыносима.

– Посмотри на меня, Кэри.

Не подчиниться?

Леди Эдганг не потерпит неуважения.

Уйти?

Кэри некуда идти.

– Король отдает вместе с тобой земли нашего рода и право заложить камень нового дома. На осколках старого, нашего с тобой дома, Кэри. И ты – лишь способ придать этой затее видимость законности.

Холодная ладонь погладила шею. И леди Эдганг отстранилась. Развернувшись – черные юбки скользнули по ногам Кэрри, – она подошла к туалетному столику. Пальцы пробежались по крышке шкатулки, которую леди Эдганг привезла с собой.

– Сама по себе ты – ничто. И так и останешься ничем. А когда надоешь своему мужу, он от тебя избавится. И никто, Кэри, никто не встанет на твою защиту.

Раздался щелчок, и крышка откинулась.

– Поверь, я знаю, о чем говорю. – Леди Эдганг вытащила прозрачный флакон с узкой горловиной. – Этот мир принадлежит мужчинам. Как бы ты ни хотела обратного… – Она повернулась к Кэри. – А все, что остается женщинам, – это

месть.

…И терпение, которое есть главная добродетель женщины. Кэри помнит. Но с каждым днем терпеть становится все сложнее.

Следом за флаконом из шкатулки появился узкий стилет.

– Ты боишься. Правильно, Кэри, бойся. Смерть страшит, но… смерть бывает разной. Тебе выбирать. – Она протянула руки. – Вот яд. Вот сталь.

Кэри отшатнулась и, наклонившись, подобрала кружевной комок.

– Ты пойдешь к нему, – в глазах леди Эдганг жило безумие, – и отомстишь за наш род… нашего мальчика… или останешься здесь и умрешь вместе со мной.

– Я…

– Одевайся, – мягко произнесла леди Эдганг, поднимая флакон к газовому рожку. – И поспеши. Постарайся быть послушной девочкой. Мужчины это любят.

Перечить Кэри не посмела.

И вот теперь, сидя в чужой кровати, она считала удары собственного сердца и отчаянно прикрывала подушкой стилет. Она знала, что не сумеет ударить, но не находила в себе сил расстаться с оружием.

А дождь за окном оплакивал Кэри.

Сегодня она не сможет убить, и тогда завтра убьют ее. Леди Эдганг всегда умела держать слово.

Как быть? Кэри не знала. Сидела. Ждала. И дождалась.

Вот за дверью раздались быстрые шаги, и Кэри сжалась.

Еще мгновение… Дверь открылась беззвучно, и длинная тень легла на ковер.

Кэри закусила губу, приказав себе не плакать.

Тень приблизилась. И замерла.

А Кэри нашла в себе силы поднять взгляд.

Оден из рода Красного Золота возвышался над ней и разглядывал ее, а выражение светлых глаз его было странным. Но он не злится.

– Под одеялом было бы теплее, – наконец произнес он.

Наверное.

– Давно ждешь?

Кивнула, понимая, что не в состоянии произнести ни слова. Давно. Целую вечность, которая, к ее ужасу, закончилась.

– Тебе приказали?

– Я… должна служить… вам. – У Кэри все же получилось заговорить, но, руда первозданная, что она несет? Оден же наклонился к ней, коснулся щеки, и Кэри отшатнулась, но тут же замерла, закрыла глаза, смиряясь с неизбежным.

Ей надлежит быть покорной. И быть может, тогда получится выжить.

– Так будет лучше. – На плечи упало что-то тяжелое и теплое, пахнущее осенними дождями. Оден мягко произнес: – А служить мне не надо. Лучше будет, если ты вернешься к себе.

– Я… недостаточно красива? – Кэри не может вернуться.

Там ведь леди Эданг и флакон из прозрачного стекла в тонких ее руках. А во флаконе – яд. И если Кэри вернется сейчас, то не увидит рассвет. – Я знаю, что ничего не умею, и… я буду очень стараться. Я клянусь, что буду очень стараться и…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.